

Борис Бабочкин о Костромском театре

Октябрьская праздничная книжка журнала «Театр» пришла к подписчикам с большим опозданием. Вот почему только сейчас, посреди декабря, мы получили возможность познакомиться наших читателей с небольшой статьей народного артиста СССР Бориса Бабочкина, опубликованной в этом журнале. Известный советский артист рассказывает о том, что вспомнилось ему «в эти праздничные дни, о том, что волнует сегодня».

Событие из моей театральной жизни, которое мне хотелось бы вспомнить в эти дни, может быть, не такое уж значительное. Вероятно, и событием его назвать нельзя. Но для меня оно полно глубокого смысла. Я начал свою жизнь профессионального актера в 1921 году. Я застал старый театр, старый в полном смысле слова, дореволюционный — ростки нового, советского только начинали пробиваться. В 1925 году я служил в Костроме, в театре имени А. И. Островского. Этот театр существует и теперь. Лет пятнадцать назад мне пришлось опять побывать в этом театре, и я вспомнил запах его коридоров за кулисами, его фойе, небольшую сцену, уютный зал и элементарные артистические уборные с голландскими печками. В 1925 году репертуар театра складывался, согласно всем традициям провинциального города, по коммерческим принципам, но с учетом новых интересов зрителя. В Костроме я играл мелодрамы: «Материнское благословение» (с пением) и «Казнь на Гревской площади» — эти названия часто встречаются в мемуарах актеров XIX столетия. Современный репертуар и его эпический уклон были представлены такими комедиями, как «Блудливый директор», «Шпанская мушка» и «Контролер спальных вагонов», — в них я имел особенный успех. В качестве боевиков шли переводные новинки — «Проститутка» Виктора Маргерита, «Аборт» (автора не помню) и т. д. — все в этом же роде. И вот на этом жизнерадостном фоне прошли у нас сразу три первые советские пьесы: «Виринея» Сейфуллиной, «Яд» Луначарского и «Федька-есаул» Ромашова. Я был занят во всех этих пьесах. Вообще в первые годы своей работы я играл каждый день. Боюсь, что теперь, играя недопустимо редко, я могу потерять легкость и свободу, приобретенную тогда, — это будет очень жаль. В «Федьке-есауле» я играл красноармейца-фронтовика, не помню, как его звали, но это была роль простака, а я

тогда занимал амплуа простаков. И вот на премьере, в какой-то праздничный день, мне пришлось единственный раз в жизни выйти на аплодисменты уже разгримированному и в собственном штатском костюме. Публика — нашим основным зрителем были костромские текстильщики — стояла, хлопала и кричала мне минут двадцать после того, как кончился спектакль. Я понял, что во мне они — вернувшиеся с фронтов гражданской войны — узнали себя. В дневнике Л. Н. Толстого от 14 октября 1909 года есть запись: «Пронзведение искусствовалью тогда настоящее, когда воспринимающий не может себе представить ничего иного, как именно то самое, что он видит, или слышит, или понимает. Когда воспринимающий испытывает чувство, подобное воспоминанию — что это, мол, уже было и много раз, что он знал это давно, только не умел сказать, а вот ему и высказали его самого». То, что произошло между мной и публикой в этот вечер, и было вот это самое, и вылилось оно в то, что на театральном языке называется овацией, а для меня это было крещением, я как бы получил в этот вечер звание советского актера, я понял в тот вечер, что это значит — советский актер, и нет у меня с тех пор другого счастья и другого смысла жизни, как быть советским актером.

Вот эти встречи со зрителем, когда во мне, в создаваемом мною образе зритель узнает себя, и есть то главное, что мне нравится в современном нашем театральном искусстве, когда я актер. А когда я зритель, то мне нравится, что я на сцене вдруг увижу себя — как человека, что-то вспомню о себе и узнаю себя. К сожалению, такие моменты бывают редко, слишком редко, и вот это мне в театральном современном искусстве меньше всего нравится. Слишком редко вижу я на сцене современного театра проявление настоящего искусства, вспышки подлинного таланта. Правда, средний актер-

ский уровень повышается. Это замечал еще персонаж чеховской «Чайки» доктор Дорн, но сколько же пройдет времени, пока этот средний уровень повысится достаточно?

Мое отношение к современному театральному искусству, вернее к современному состоянию театрального искусства, очень противоречиво. Слова «нравится» и «не нравится» — сюда, мне кажется, не совсем подходят. Я слишком люблю наш театр, чтоб сказать, что он мне «нравится». Но бывают моменты, когда я на вопрос, что в нем «нравится» и что «не нравится», ответил бы: разве мученику могут нравиться орудия пытки, жестокость которых он испытывает на себе каждый день? Впрочем, этот юмор слишком мрачен, чтоб определить отношение актера к своему театру. Мы любим наш театр, хотя он разочаровывает нас, вероятно, чаще, чем нужно и чем можно. Но каждое резюмирование вызывает в настоящем артисте новую энергию поиска, а поиск сам по себе — творческое счастье, а если этот поиск завершается находкой, открытием, то вся жизнь приобретает смысл.

29 ДЕК 1961

СЕВЕРНАЯ ПРАВДА
г. Кострома